

ГЛАВЫ ГОСКОМПАНИЙ: С ЧЕМ СВЯЗАТЬ ИХ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ? (Опыт политэкономического анализа)

С. Губанов

На форуме «Эффективная социальная политика: новые решения», проведенном в Санкт-Петербурге 25 марта 2016 г., глава правительства высказал свое представление о том, к чему следовало бы привязать материальное поощрение руководителей «компаний с государственным участием». Премии и бонусы, как было сказано, должны «напрямую» зависеть от *прибыли*.

В подтверждение цитируем стенограмму: «И, конечно, на уровне издержек компаний с государственным участием также необходимо экономить. Здесь об этом тоже уже речь шла. Я думаю, что мы вполне можем пойти дальше и сэкономить ещё и на вознаграждении руководства компаний с государственным участием. Что я имею в виду? Размер их премий, бонусов действительно должен напрямую зависеть от показателей прибыли компании. Если прибыль есть, могут быть премии, нет – нужно ограничиться только зарплатой, как во всем мире принято. Предложения об этом должны быть сформулированы по итогам форума»¹.

Таким образом, вознаграждение руководителей компаний государственно-го сектора правительство намеревается поставить в непосредственную зависимость «от показателей прибыли». Рентабельный подход к материальной заинтересованности в государственном секторе оно, надо полагать, принимает за правильный и действенный, способный дать решение проблемы мотивации управленцев госкомпаний.

Насколько корректен такой подход правительства, в какой мере он согласуется с указаниями хозяйственной практики и новейшими данными экономической науки, приведет ли к декларируемой цели? Действительно ли увязка с прибылью вознаграждения руководителей госкомпаний обеспечивает стыковку их интересов с общегосударственными?

§ 1. Сталинская догма

Поставленные вопросы отнюдь не новые. Они бурно дебатировались в советский период еще до Великой Отечественной войны, в том числе в журнале «Плановое хозяйство»². После войны состоялась знаменитая экономическая дискуссия. Как и следовало ожидать, рентабельный подход заявил о себе во весь голос устами тех, кто хотел смещения «высшей рентабельности» в пользу рентабельности отдельных предприятий. По данному ключевому пункту И.В. Сталин, который выступил с итоговыми замечаниями, занял ретроградную позицию, в полной мере подтвердив свое привычное непонимание реальных противоречий, подлинной социально-экономической природы Советского Союза, а также ключевых особенностей той новаторской плановой системы хозяйствования, которую дали реформы 1929-1933 гг. и лишь благодаря системным преимуществам которой СССР одержал не только военную, но и экономическую победу в войне против фашистской Германии.

Судя по его замечаниям, И.В. Сталин едва ли отдавал себе отчет в том, от-

куда идет нажим в пользу рентабельности отдельных предприятий, чем вызывается и почему столь упорно навязывается, в интересах каких социальных сил и с какой целью. Особой подоплеки «вождь народов» здесь не усматривал, равно как не ощущал и критической важности момента для дальнейших судеб СССР – для обратимости или необратимости советского общественного строя.

Вопрошающие же, напротив, прекрасно осознали, чего они хотят и к чему клонят, ради чего беспрестанно зондируют почву для реабилитации «низшей» рентабельности и прибыли. В отношении нее они стремились получить не обвинительный, а оправдательный приговор. И они получили то, что хотели. Вместо былого с 1930-х гг. единовластия «высшей», народнохозяйственной рентабельности в 1952 г. было освящено ее двоевластие с «низшей». Последняя, оказывается, «имеет громадное значение с точки зрения развития нашего производства».

В подтверждение процитируем «соломоново решение» И.В. Сталина целиком, без малейшего изъятия. Начинается оно «за здравие» общехозяйственной рентабельности: «Говоря о рентабельности социалистического народного хозяйства, я возражал в своих 'Замечаниях' некоторым товарищам, которые утверждают, что поскольку наше плановое народное хозяйство не дает большого предпочтения рентабельным предприятиям и допускает существование наряду с этими предприятиями также и нерентабельных предприятий, – оно убивает будто бы самый принцип рентабельности в хозяйстве. В 'Замечаниях' сказано, что рентабельность с точки зрения отдельных предприятий и отраслей производства не идет ни в какое сравнение с той высшей рентабельностью, которую дает нам социалистическое производство, избавляя нас от кризисов перепроизводства и обеспечивая нам непрерывный рост производства».

А в концовке звучит уже «за упокой»: «Но было бы неправильно делать из этого вывод, что рентабельность отдельных предприятий и отраслей производства не имеет особой ценности и не заслуживает того, чтобы обратить на неё серьезное внимание. Это, конечно, неверно. Рентабельность отдельных предприятий и отраслей производства имеет громадное значение с точки зрения развития нашего производства. Она должна быть учитываема как при планировании строительства, так и при планировании производства. Это – азбука нашей хозяйственной деятельности на нынешнем этапе развития»³.

§ 2. «Преодоление капитализма переименованием»

По данному пункту ничего нового в 1952 г. И.В. Сталин в свою позицию не привнес. Кто знаком с его взглядами, его уклонением в период 1917-1922 гг. от центральной дискуссии о формуле переходного периода, его готовностью сдать государственную монополию внешней торговли в 1922 г. и отказом в 1924 г. от ленинского плана («к социализму через госкапитализм»), тот легко разглядит тот же самый порочный сталинский круг 1925 г.⁴

В декабре 1925 г., на XIV съезде ВКП(б), приковав себя к вульгарной и левацкой идее построения социализма в «отдельно взятой стране», И.В. Сталин тоже разыграл софизм по схеме «с одной стороны – одно, а с другой – другое».

Начал он с переименования государственных предприятий в «социалистические»: поскольку они-де «работают не на прибыль», их нельзя считать ни капиталистическими, ни госкапиталистическими (тем самым, заметим, госкапиталистические начала были бездумно приравнены к частнокапиталистическим, и с 1925 г. эта сталинская догма, анти-ленинская по существу, сделалась непрекаемой и остается в ходячих до сих пор)⁵. Но как только речь зашла о реалиях, он затянул иную песню, о прибыли: «Вопрос о прибылях, которые мы имели за прошлый год, от наших государственных и кооперативных предприятий, имеет важнейшее значение, так как мы – страна, бедная капиталами, страна, не имеющая крупных займов извне»⁶.

Как можно видеть, уже в 1925 г. И.В. Сталин пошел на бесповоротный от-

рыв своей идеологии от практики: в его идеологии значилось одно, а на практике функционировало совсем другое. Еще не было электрификации, еще не было индустриализации, еще повсюду господствовал изнурительный ручной труд, а левацкая идеология изображала уже «социалистические» предприятия, избавленные якобы от работы «на прибыль». На деле же они, подобно прежним казенным предприятиям при самодержавии, оказываются бедны капиталами и вовсю выкачивают прибыль из наемного труда, даже не поднявшись выше до-революционного государственного хозяйства царской России, описанного еще С.Ю. Витте точно в тех же терминах «бедности капиталами»⁷.

Говоря на языке классики, И.В. Сталин впал в противоречие между историческим и логическим. Завершилось дело тем, что вскоре в «социалистическую» была переименована и прибыль (переименование услужливо предложил «теоретик» Н.И. Бухарин). С тех пор, по сталинской идеологии, капитализм извлекает капиталистическую прибыль, а «социализм» – «социалистическую».

Таким образом, сравнение двух сталинских положений, от 1925 г. и 1952 г., особых различий не выявляет: вопрос о прибылях предприятий «имеет важнейшее значение» в 1925 г., а рентабельность предприятий «имеет громадное значение» в 1952 г. Что до самих предприятий, то они все такие же «социалистические», потому как наращивают «социалистическую» прибыль.

Апофеозом сталинской политики «преодоления капитализма переименованием» явилась Конституция 1936 г., которая по-левацки лихо объявила «социалистическим» советское общество, в действительности только-только взявшееся за овладение плановыми началами, свойственными стадии госкапитализма.

Надо сказать, в философии номинализма, призванной на смену диалектике, И.В. Сталин также не блистал последовательностью. Он не решился на то, чтобы назвать «социалистической» прибавочную стоимость, т.е. базисную основу прибыли. В 1952 г. он предпочел иное решение, в функциональном плане поистине топорное. Все, что обнаруживало абсурд переименования, он призвал попросту отсечь: «Более того, я думаю, что необходимо откинуть и некоторые другие понятия, взятые из 'Капитала' Маркса, где Маркс занимался анализом капитализма, и искусственно приклеиваемые к нашим социалистическим отношениям. Я имею в виду, между прочим, такие понятия, как 'необходимый' и 'прибавочный' труд, 'необходимый' и 'прибавочный' продукт, 'необходимое' и 'прибавочное' рабочее время»⁸.

Советская «политэкономия социализма» учла наказ «вождя» и выбросила категорию «прибавочная стоимость». В результате получился абсурд в квадрате, поскольку «социалистическая» прибыль лишилась экономической основы, а трактовка прибавочного труда как «труда для общества» отказывала в общественном характере необходимому труду. Кроме того, без ответа оставался вопрос о том, какой экономический закон ответствен за производство «социалистической» прибыли и какие противоречия оно порождает в СССР.

Будучи пользователем бухаринской «диалектики», И.В. Сталин эклектично смешивал высшее с низшим, не различая их конкретно-исторические формы и проявления. Легкомысленно придав в 1952 г. «громадное значение» низшей рентабельности, т.е. рентабельности хозрасчетного предприятия, он не осознавал того простого факта, что отвел «громадное значение» не чему-нибудь, а формам и отношениям низшего капитализма, по ленинской терминологии – «обычного», «старого», децентрализованного, фабрично-заводского, санкционировав подготовленную атаку на совсем непрочные еще начала высшего, централизованного, госплановского, олицетворяемого «высшей» рентабельностью.

Начиная с 1952 г. вектор переходного периода в СССР изменился на диаметрально противоположный: если прежде исторический процесс шел от низшего к высшему, в форме системного прогресса, то дальше он пошел вспять, от высшего к низшему, стал попятным, принял форму социально-экономического регресса. С того времени Советский Союз утрачивал одно системное преимущество за другим, все больше и больше разлагаясь изнутри в режиме сначала теневой антисоветской реакции, а затем и теневой контрреволюции.

§ 3. От сталинского дуализма к реформаторскому монизму

Разворот к теневой антисоветской реакции обеспечили хрущевские реформы. Первым делом они отменили дуалистическую сталинскую позицию в отношении «вышей» и «нижней» рентабельности. Двоевластие не устраивало реформаторов и ему наступил конец. Утверждалось единовластие рентабельности хозрасчетного предприятия. Для верности принцип безоговорочного господства хозрасчетной рентабельности возводился в ранг программного, поскольку в 1961 г. был включен в программу КПСС – цены должны обеспечивать «известную прибыль каждому нормально работающему предприятию»⁹.

Под видом программы «развернутого строительства коммунизма» Советский Союз получил программу директивного разворота к формам и отношениям низшего капитализма, который выступал тогда, и наступал, в хозрасчетной форме, формально плановой. Реальная плановая модель хозяйствования, регулируемая «вышей» рентабельностью, стала вытесняться формальной, подчиненной рентабельности хозрасчетного предприятия.

Соответственно реакционной логике происходили все остальные системные изменения и сдвиги: снижение себестоимости продукции заменялось увеличением прибыли и цен, централизация управления народным хозяйством – децентрализацией, межотраслевая кооперация – отраслевым обособлением, плановой расчет – «хозрасчетом предприятия», производительность труда – инфляцией и приписками, реальное планирование – формальным, с подчинением народнохозяйственного плана сумме хозрасчетных договоров, что фактически уничтожало структурно-целевое планирование развития отечественных производительных сил и совокупного производительного капитала СССР.

С 1960-х гг. Советский Союз покатился по рельсам системного регресса, и чем дальше, тем стремительнее. Система «хозрасчета предприятия» не только выхолостила народнохозяйственное планирование: она отделила науку от производства и отгородила народное хозяйство от НТП, сделав экономически невыгодным удешевление продукции и повышение производительности труда.

Реформы 1960-х гг. ликвидировали плановую модель снижения себестоимости, установив вместо нее квазиплановую модель увеличения прибыли. Фактически СССР был отброшен на базис фабрично-заводского капитализма, после чего начался интенсивный процесс образования класса теневой буржуазии, накопления социальной базы для антисоветской контрреволюции и завоевания превосходства в расстановке политических сил. Чем сильнее укреплялись формы и отношения низшего капитализма, тем настойчивее предприятия добивались полноты «хозрасчета» с возможностями максимизации прибыли, т.е. полного освобождения от планового управления, планового ценообразования, планового распределения товаров и услуг. В сущности, нарастала лавина требований о легализации низшего капитализма – со всеми вытекающими отсюда социально-экономическими и политическими последствиями, хорошо известными по распаду СССР и «шоковой терапии».

§ 4. Прогрессивная альтернатива 1960-х гг.

Была ли альтернатива в 1960-е гг.? Была. На нее указал акад. О.К. Антонов – авиаконструктор, а не экономист, в своей смелой и честной книге «Для всех и для себя», которая осталась светочем истины в потоке лживой литературы, заполненной сказками о том, как высоко вознесет советскую экономику приделаваемый к ней частнокапиталистический двигатель «полного хозрасчета»¹⁰.

Отчетливо различая и критикуя недостатки плановой модели снижения себестоимости, автор вместе с тем категорически возражал против модели увеличения прибыли в форме «хозрасчета предприятия», справедливо усматривая в ней модель полного краха экономики. Цитируем: «Не ясно ли, что потери народного хозяйства еще более возрастут, что предприятия окончательно обосо-

бятся, исчезнет вовсе 'забота о дальних' (В.И. Ленин), предприятия станут работать кто в лес, кто по дрова. И если в результате такого форсированного стимулирования длинным рублем, возможно, в начале даже возрастет сумма прибылей в промышленности в целом, то в ближайшие же годы наступит полный крах»¹¹. Добавим, что жизнь быстро подтвердила правоту автора.

Вместо модели снижения себестоимости О.К. Антонов предлагал модель сокращения «тебестоимости», фактически – модель сокращения народнохозяйственных издержек, которая представляла собой не что иное, как модификацию плановой модели, регулируемой «высшей» рентабельностью. Надо признать, здесь имелся глубокий экономический смысл, постигнутый эмпирически – со стороны не теории, а конкретной хозяйственной практики.

В то время еще не был известен закон вертикальной интеграции, открытый десятилетиями позже¹². Тем не менее О.К. Антонов проницательно подметил его ключевые проявления на межотраслевых стыках. Сокращение себестоимости продукции отдельного предприятия проще всего достигалось в ущерб качеству, делая невыгодной потребительную стоимость. Проблему решает межотраслевая интеграция технологически сопряженных предприятий, на основе которой появляется возможность сокращать не просто себестоимость, а «тебестоимость», т.е. полные издержки товаров конечного спроса. В таком случае все взаимосвязанные предприятия становятся заинтересованными в повышении качества работы каждого звена цепочки, чему должны помогать народнохозяйственные показатели плановой системы (НХП), сочетающие количество и качество¹³.

Таким образом, в 1960-е гг. альтернатива системному регрессу СССР объективно существовала и была вполне реальной. Проблема заключалась на стороне субъективного фактора, который в то время оседлали силы частнокапиталистической реакции, а не социального прогресса: во главе коммунистов встали антикоммунисты, во главе Советов – антисоветчики, во главе плановых органов – дезорганизаторы и саботажники плановой системы.

§ 5. Триумф анти-плановой реакции и крах СССР

Сформировать и ввести в действие плановую модель народнохозяйственного расчета, основанную на систематическом снижении народнохозяйственных издержек, при тогдашней расстановке политических сил было уже невозможно. Ученые, подобные О.К. Антонову, выглядели «белыми воронами». Реакционеры одержали верх. Их задача чрезвычайно облегчалась левацкой формулой о «победе социализма», следствием чего стала подмена актуальной политэкономии переходного периода «политэкономией социализма», совершенно неадекватной объективным законам и противоречиям функционирования советского хозяйства. Взамен модели снижения себестоимости была установлена не плановая модель сокращения межотраслевой «тебестоимости», а реакционная модель увеличения частнохозяйственной прибыли.

С 1960-х гг. к прибыли оказался привязан весь процесс общественного воспроизводства, а не просто хозрасчетные показатели предприятий и отраслей, или премии директората. Вместо расширенного воспроизводства экономии себестоимости, осуществляемого на основе планового развития производительных сил и научно-технического прогресса, СССР получил воспроизводство прибыли, движимое ползучим ростом инфляции и хозрасчетных цен, приписками и бумажной «эффективностью капитальных вложений». Повальное отчуждение предприятий от науки и НТП, растрата ресурсов и труда на тиражирование старых и неэффективных рабочих мест, нарастание отсталости, дисбалансов и неуправляемости, товарного дефицита и социального недовольства – таковы прямые результаты «хозрасчета предприятия».

В литературе постсоветского периода циркулирует антинаучное и несуразное воззрение, будто народнохозяйственный комплекс СССР пустила под от-

кос гонка вооружений. Такая точка зрения совершенно безосновательна. В годы Великой Отечественной войны гонка вооружений была куда острее и проходила в куда более суровых условиях, тем не менее Советский Союз не только не надорвался, а вышел из войны экономически развитее и крепче. Победу ковала плановая система народнохозяйственной рентабельности, тогда как к развалу привела иная система – «хозрасчета предприятия». Стало быть, причина гибели СССР состоит не в гонке вооружений, а в хозрасчетной системе, которая нанесла такой ушиб, какого не смогла нанести фашистская Германия.

§ 6. Новейшие данные экономической науки

Кратко рассмотрим основные системные последствия, обусловленные частнокапиталистической системой увеличения прибыли. Главным образом здесь нас интересует ее воздействие на государственный сектор, в связи с чем на нем мы и сфокусируемся.

Центральный тезис сводится к тому, что форма прибыли имманентна частнокапиталистическому способу присвоения, и следовательно – несовместима с целевой функцией государственного сектора.

Собственно, абсолютная их несовместимость и доказана бесценным по содержанию советским опытом: положительно – в период 1930-1940-х гг., от противного – с начала 1950-х гг., крахом СССР – во второй половине 1980-х гг.

§ 6.1. Советский период: диалектика формального и реального

Закономерен такой исход или случаен? Закономерен. Дело в том, что воспроизводство прибыли, регулируемое частнохозяйственной рентабельностью, превращает государственный сектор в фикцию. Юридическое оказывается в антагонизме с экономическим, формальное – с реальным, оболочка – с содержанием.

Сектор, оставаясь формально государственным, начинает эксплуатировать государственную собственность в интересах частного присвоения и обогащения. В таком случае складывается режим наиболее отвратительной эксплуатации, поскольку прибыль приватизируется, издержки национализируются и перекладываются на налогоплательщиков, между тем как государство теряет промышленный потенциал, фонд накопления, рабочие места, бюджетные доходы и рычаги поддержки совокупного внутреннего спроса.

Мало того, государство утрачивает также способность к решению крупномасштабных народнохозяйственных задач.

Действительно, именно на них должен быть сосредоточен государственный сектор, поскольку их решение требует централизации и концентрации трудовых, научно-технических, инфраструктурных, земельных, материальных, финансовых и прочих ресурсов общества. Если же ресурсы, сконцентрированные благодаря государственной собственности, ставятся на службу частнокапиталистическому присвоению и обогащению отдельных лиц, то государственный сектор функционирует подобно частному, только сращенному с государственным аппаратом и ставшему ядром системной коррупции.

Наряду с тем совершенно искажается сам смысл эффективности работы государственного сектора. Тогда эффективность госкомпаний связывается не с общегосударственными, а частными интересами; тогда она измеряется степенью приватизации доходов и прибыли, а не выполнением государственных заказов по ассортименту, качеству, издержкам и срокам. Вместо того, чтобы быть опорой экономического развития, государственный сектор становится в таких условиях затратной обузой общества, вызывающей массовое недовольство.

В советское время экономическая наука все-таки заподозрила неладное, и в

литературе появились намеки на различие *формальной* и *реальной* государственной собственности. Начались исследования юридической формы и экономического содержания, условий их соответствия либо несоответствия, аргументировался постулат о недопустимости их смешения и отождествления. К сожалению, верный в общем-то подход был нащупан с большим запозданием, когда СССР вступал уже в завершающую фазу внутреннего развала.

Кроме того, обозначенные постановки были чрезмерно узкими, они не поднимались до того, чтобы предметно разграничивать формальную и реальную национализацию, формальный и реальный госкапитализм, формальный и реальный социализм, формальную и реальную планомерность, формальное и реальное планирование, формальную и реальную плановую модель, и т.д. Исторический урок, преподнесенный нам опытом и драматической судьбой СССР, требует политэкономического переосмысления и в данном отношении. Теперь научной политэкономии не пристало принимать формальный государственный сектор за реальный.

Исходя из диалектики формального и реального, можно заключить, что работа на прибыль означает *формальность* и *фиктивность* как *государственной собственности*, так и *государственного сектора*, а стало быть – исключает их народнохозяйственную эффективность.

§ 6.2. Закон вертикальной интеграции

Еще один важный довод дает уже упоминавшийся *закон вертикальной интеграции*, в соответствии с которым скорость воспроизводства совокупного производительного капитала достигает максимума тогда и только тогда, когда рентабельность промежуточного производства равна нулю.

На системном уровне данный закон означает, что к исторически высшей принадлежит лишь та социально-экономическая система, которая вертикально интегрирована, выстраивается в форме межотраслевых цепочек добавленной стоимости и начисто исключает извлечение прибыли из производства сырья, полуфабрикатов и прочей продукции низких индустриальных переделов.

Переходя к нашим нынешним реалиям, несложно заметить, что экономическая система пореформенной России как раз и отличается тотальным нарушением требований закона вертикальной интеграции. Вопреки данному закону, дезинтеграции подверглись даже стратегические инфраструктурные комплексы – электроэнергетический, железнодорожный, авиатранспортный и т.д.

Естественно, за системное нарушение объективного закона высшей стадии современного развития общество расплавляется деиндустриализацией и деградацией, отсталостью и разложением. Попирая закон вертикальной интеграции, выкачивая прибыль из добычи и экспорта сырья, Россия пожинает системный кризис, абсолютно идентичный тому, какой привел к развалу Советского Союза. Чтобы отвести грозящую катастрофу, надо преодолеть системный кризис, а чтобы преодолеть его, нужно привести экономическую систему в соответствие с законом вертикальной интеграции.

В соответствии со сказанным, справедлив следующий довод: подчинение государственного сектора работе на прибыль и частнокапиталистическому присвоению *противоречит закону вертикальной интеграции*, вследствие чего обостряет системный кризис, а не разрешает.

§ 6.3. Социальный капитал

Чрезвычайно важный аргумент вытекает из политэкономической концепции *социального капитала как совокупного*, или, по словам А. Смита, *публичного*, *находящегося в собственности общества*.

Отметим, что «неоклассика» и здесь подменяет научное антинаучным, на-

вязывая совершенно иную, частнособственническую интерпретацию социального капитала, подобно тому как невидимую руку Провидения из классического трактата А. Смита она выдала в 1950-е гг. за «невидимую руку рынка»¹⁴.

Между тем, истина ясна, ибо существуют строго научные критерии, на основе которых какая-либо дилемма отпадает. Во-первых, социальный капитал является объектом общественной собственности – иерархической. Во-вторых, социальный капитал воплощает в себе движущую силу сокращения социальных, народнохозяйственных затрат, или «тебестоимости». В отличие от него, частный капитал всемерно минимизирует лишь частные издержки, обратной стороной чего становится возрастание социальных. Чудовищные катастрофы на Чернобыльской АЭС (из-за хозрасчета) и Саяно-Шушенской ГЭС (из-за наживы) служат тому прискорбным и поучительным подтверждением.

Научная политэкономика готова теперь точно указать, в каких сферах господствующим должен быть исключительно социальный капитал, а в каких применим и частный. Согласно новейшему критерию, *частный капитал допустим лишь там и постольку, где и поскольку он не в состоянии причинять социальные издержки.*

То же самое справедливо в отношении частнокапиталистического присвоения. И раз так, то мы вправе заключить, что *в государственном секторе частнокапиталистическое присвоение, каковым является присвоение прибыли, абсолютно недопустимо*, ибо неминуемым следствием станут упадок производительных сил, увеличение издержек и потерь общества.

§ 6.4. Прибыль и ее истинная природа

Обратимся, далее, не столько к новому, сколько к классическому пониманию *прибыли*. В стереотипном представлении прибыль фигурирует в качестве результата. Подобное представление давно уже господствует, еще с советских времен, что неудивительно, ибо его разделял «верный ленинец» И.В. Сталин. В постсоветский же период оно и вовсе превратилось в штамп. Между тем, оно являет собой не что иное, как штампуемое заблуждение, а вернее – плод товарного фетишизма.

С точки зрения классической политэкономии, прибыль имеет такую же затратную природу, как любой другой стоимостной показатель. Но есть и принципиальные особенности, из-за чего прибыль занимает особое место. Диалектика такова, что прибыль суть результат для частного капиталиста и затрата для наемного работника. Иными словами, что выступает прибылью для капитала, то выступает убылью для общественного труда.

Подключая научное понимание того, что такое социальный капитал, логически несложно прийти к уточнению, согласно которому *прибыль есть не что иное, как социальные издержки, обусловленные убылью здоровья и жизни людей*. Не чуждый науке, прообраз аналогичного понимания И. Гете выразил сжато и емко – «люди гибнут за металл».

Во всей истории капиталистического общества, независимо от стран и континентов, не найдется ни одного исключения из приведенного нами уточнения, а потому оно равносильно теореме. Особым случаем последней можно считать общеизвестное утверждение, что нет такого преступления, на какое не решился бы частный капитал ради 300% прибыли. Любая из так называемых глобальных проблем – нищета, голод, мор и эпидемии, экологические загрязнения, конфликты, войны, массовая смертность и т.п. – порождается частнособственнической погоней за прибылью.

Где значительнее убыль человеческого здоровья или жизни, там больше частные барыши и нажива. В гуманистическом аспекте прибыль тождественна убыли человечности в обществе и приливу бесчеловечности, дикости, варварства, насилия – всего того, что ассоциируется со средневековой войной всех против всех и социал-дарвинизмом.

Поэтому в истории непреложно правило: где больше масса и норма прибыли, там бесчеловечнее общество. Отнюдь неслучайно социально-ориентированные страны, приверженные ценностям инклюзивного общества и социального государства, занимаются расширением сферы господства именно социального, общественного капитала, методично ограничивая условия, социальную базу и аппарат максимизации прибыли, все решительнее отбрасывая антигуманный принцип «неоклассики» о максимизации частного дохода.

Суммируя, можно подытожить: воспроизводство и присвоение прибыли в государственном секторе категорически расходится с научным пониманием ее затратной природы, с тем, что всякая прибыль суть человеческая убыль и социальные издержки.

§ 6.5. Госкапитализм, как первое отрицание

В заключение представим взгляд на рассматриваемый вопрос сквозь призму *госкапитализма*, научно понимаемого.

Начиная с XX в. по поводу госкапитализма нет недостатка в заблуждениях и недоразумениях, ложных стереотипах и откровенной фальсификации. В отечественной общественной мысли возобладали примитивное, начетническое и безжизненное воззрение Н.И. Бухарина – постоянно и нещадно битое В.И. Лениным, оно уже в 1925 г. было возведено И.В. Сталиным в ранг неприкасаемой догмы и с той поры в различных вариациях довлеет в литературе, включая советскую и постсоветскую.

По словам М.Н. Покровского, буржуазные историки видели в истории политику, опрокинутую в прошлое. Подобно тому Н.И. Бухарин и И.В. Сталин усматривали в экономической науке сервильную идеологию, низведенную до роли служанки политической надстройки и власти. Они профанировали теорию, ибо ко всем отношениям, явлениям и событиям подходили только со стороны надстройки, а не экономического базиса. Отсюда их верхоглядство и поверхностность, а также легендарная растерянность при столкновении с новым, ранее неведомым, что в полной мере продемонстрировала послевоенная эпопея советской генетики и кибернетики.

В научной политэкономии тенденция госкапитализма открыта давно и какой-либо новизны не представляет. Согласно классической теории, госкапитализм означает такую ступень развития капиталистического способа производства, когда класс буржуазии, или частных капиталистических собственников, замещается фигурой совокупного капиталиста – ассоциированного и деперсонфицированного, а класс наемных рабочих – фигурой совокупного работника, не менее ассоциированного и интегрированного.

Совокупному собственнику капитала противостоит при госкапитализме совокупный собственник рабочей силы. Антагонизм между трудом и капиталом достигает здесь своей вершины, которая одновременно становится предпосылкой его окончательного разрешения путем синтеза противоположностей, с отрицанием отрицания. В госкапитализме классика обнаружила не что иное, как исторически первое отрицание капитализма, а именно – отрицание частнособственнической стадии, отрицание системы господства частного капитала.

В чем нашла научная классика источник и движущую силу тенденции госкапитализма? Они найдены в законе цены производства, который служит законом капиталистического присвоения и требует равной массы прибыли на равную величину авансированного капитала, неумолимо обеспечивая конкурентные преимущества капиталам с более высоким техническим строением.

Теперь известен также закон вертикальной интеграции, который означает, что капитал приобретает более высокое техническое строение не иначе как посредством межотраслевой интеграции. Чем выше степень интеграции того или иного капитала, тем выше уровень его концентрации и централизации, а следовательно – и причитающаяся ему доля в совокупной прибавочной стоимости.

Оба названных закона исчерпывающе проясняют, почему госкапитализм не только объективно закономерен и неминуем, но представляет собой исторически высшую и последнюю, поистине финальную стадию капитализма как общественно-экономической формации.

Естественно, о законе вертикальной интеграции Н.И. Бухарин и И.В. Сталин не подозревали и не могли подозревать, а закона цены производства они не знали и не хотели знать, поскольку ставили политическую надстройку впереди экономического базиса, довольствовались вторичным и не проникали в первичное, в гущу коренных противоречий советского строя.

Соответственно, Н.И. Бухарин выдумал надстроечный госкапитализм – в виде государственного регулирования частного капитала. В бухаринской выдумке госкапитализм лишен государственного капитала, помещается на частнокапиталистическом фундаменте, занимается извлечением прибыли, в общем – изображается причудливой разновидностью частнособственнического, низшего капитализма. Государственный капитализм без господства государственного капитала – таково бухаринское «открытие».

Пока был жив В.И. Ленин и пока он громил бухаринскую нелепицу, указывая на госкапитализм как исторически высший, централизованный в общезыятельном масштабе крупной электрифицированной индустрией и отлитый в форму планового хозяйства благодаря господству государственного капитала над командными высотами экономики, И.В. Сталин стоял в сторонке и отмалчивался. Но как только умолкли клятвы над гробом В.И. Ленина, так И.В. Сталин сразу показал, на чьей он стороне: бухаринская нелепица разом превратилась в сталинскую.

Одинаково чуждые диалектике, Н.И. Бухарин и И.В. Сталин были неспособны отличить высший капитализм от низшего. У В.И. Ленина они взяли готовыми чеканные формулировки первоначальных задач переходного периода: народнохозяйственное планирование, электрификация, индустриализация, кооперирование единоличного крестьянства, поголовная грамотность, образование и подготовка квалифицированных специалистов. Что же касается перспективы и точной последовательности стадий развития, то в отношении них Н.И. Бухарин и И.В. Сталин самостоятельно определиться не могли. Из неопределенности социально-исторической перспективы СССР вытекали беспрестанные шарханья и метания «генеральной линии», которая не направляла ход событий, а, наоборот, сама слепо приспособлялась к нему.

По окончании послевоенного восстановления народного хозяйства, например, СССР остро нуждался в научной конкретизации ближайшей перспективы развития и предстоящего социально-экономического этапа. Но в процессе экономической дискуссии 1952 г. вместо перспективы и четкого осмысления того, от чего к чему требуется переходить, И.В. Сталин перечислил лишь текущие проблемы и не нашел ничего лучшего, чем ошибочно поставить развитие советского хозяйства в зависимость от рентабельности отдельного предприятия, по сути – от низшего капитализма. Скованный незнанием экономических законов современности и своим левацким выводом о «победе социализма», он не задумывался о том, на какой исторической стадии находится СССР, насколько она высока, или, напротив, низка, в чем состоит перспектива и через разрешение каких противоречий ведет путь к ней.

Дело закончилось феноменом системной асимметрии: СССР начал скатываться к низшему капитализму, тогда как передовые капиталистические страны устремились к высшему, государственному. Уже к середине 1970-х гг. в США сфера госкапиталистических начал была больше, чем в СССР. Низшее всегда обречено в борьбе против высшего. Так и Советский Союз: выиграв в войне двух социально-экономических систем против фашистской Германии, он проиграл затем новую системную схватку против США, поскольку откатился к отношениям низшего капитализма, скрытым тогда в форме «хозрасчета предприятия». Из лидера системного прогресса человечества СССР сделался аутсайдером, переместившись на полюс социально-экономического регресса.

Нынешнее системное положение России ничуть не лучше, чем у Советского Союза в фазе развала, и характеризуется тем же самым в сущности системным кризисом. Как и парализованный реакционными реформами СССР, постсоветская Россия находится вне тенденции госкапитализма, ставшей уже магистральной благодаря выходу индустриально развитых стран мира на государственно-корпоративную стадию. Общественно-экономический строй, установленный путем денационализации собственности, деградировал в компрадорскую разновидность *нижнего капитализма* – самого отсталого, бесчеловечного и асоциального. Компрадорская экономическая система не только несовместима с подъемом: она действует как система децентрализации базиса и надстройки, и следовательно – как система дефедерализации и расчленения России.

В сложившихся условиях государственный сектор может работать на одно из двух: либо на децентрализацию экономического базиса и политической надстройки, ускоряя наступление краха; либо на их централизацию, отводя грозящую катастрофу. Если подчинить государственный сектор извлечению прибыли, то он будет де-факто частнокапиталистическим, а значит орудием разложения и ликвидации России. И наоборот, если он станет сферой господства социального капитала, то превратится в фактор преодоления системного кризиса, в движущую силу замещения трудоемкого капиталоемким и наукоемким, народнохозяйственной интеграции и политической консолидации общества.

Итак, госкапитализм означает исторически высшую и последнюю стадию развития капиталистической формации, когда над командными высотами экономики господствует социальный капитал, который отрицает прибыль, частнокапиталистическое присвоение и их субъектов, а экономическая система отвечает требованиям закона вертикальной интеграции.

Исходя из научного понимания того, что такое госкапитализм, можно констатировать: *государственный сектор является реальным только при том условии, если исключает производство и присвоение прибыли*. В любом ином случае он может быть государственным лишь по названию, номинально и формально.

§ 7. Заключительные выводы

Согласно новейшим данным экономической науки, тезисно охарактеризованным, в нынешних условиях государственный сектор в нашей стране функционирует подобно частнокапиталистическому, т.е. носит фиктивное название.

Он и так занят извлечением максимума прибыли за счет налогоплательщиков, используя централизованные ресурсы для личного обогащения. Он имеет архаичную отраслевую структуру вместо вертикально интегрированной и межотраслевой; применяемый им производительный капитал отличается дезинтеграцией и низким техническим строением; занятые работники превращены в носителей не общегосударственных, а частных интересов; народнохозяйственная эффективность подменена скоростью частного обогащения.

Реальность очевидна: государственный сектор, будучи фиктивным, работает сейчас не столько на Россию, сколько против нее, ибо разжигает пламя системного кризиса.

Сообразуясь с реалиями, следует ставить, казалось бы, системный вопрос о трансформации формального государственного сектора в реальный, способный работать по единому общегосударственному плану. Правительство, однако, выдвигает вопрос сугубо частный и бессистемный – об ограничении уровня доходов глав госкомпаний величиной и нормой прибыли. Оно полагает достаточным лишь ограничение, а не устранение частнокапиталистического присвоения в секторе, в котором должны господствовать государственный капитал, плановая система и государственное присвоение прибавочной стоимости.

Как показал анализ, намеченный правительством подход не только некорректен, но и бесперспективен, поскольку принадлежит не высшему, а низшему

капитализму. Он смыкается со схоластическими сталинскими догмами, но расходится с историческим опытом СССР и передовых капиталистических стран, с ключевыми законами современности – законом цены производства и законом вертикальной интеграции, с магистральной тенденцией госкапитализма и социального капитала, наконец – с перспективой социально-экономического прогресса, неотделимого от новой, наукоемкой индустриализации.

Дело не в том, чтобы стимулировать хозяйственных руководителей за прибыль, а в том, чтобы избавить госкомпания от работы на нее, ибо прибыль есть могилищик государственного капитала и государственного сектора.

Прежде чем решать задачу, надо досконально разобраться в ее условиях. Неограниченное частнокапиталистическое присвоение в госкомпаниях происходит ныне от дезинтеграции и бесплановости государственного сектора. Соответственно, в первую очередь следует принять меры к вертикальной интеграции государственной собственности и государственного капитала, а также к формированию плановой системы управления государственным хозяйством.

С проведением таких мер проблема стимулирования руководства госкомпаний примет совсем иной оборот, она станет проблемой планового управления и плановых стимулов. Тогда в план материальной заинтересованности войдут ассортимент, качество, производительность труда, издержки и цены, сроки выполнения государственного заказа, а также приращение социального капитала. В общем, глав госкомпаний плановая система начнет поощрять не за прибыль и личное обогащение, а за социальную эффективность.

¹ Цитируется по правительственной стенограмме выступления Д.А. Медведева на форуме «Эффективная социальная политика: новые решения». 2016. 25 марта (Санкт-Петербург).

² См., например: Турецкий Ш. Вопросы ценообразования // Плановое хозяйство. 1938. № 6.

³ Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. – М.: Госполитиздат. 1952. С. 55-56.

⁴ О том, против кого боролся в 1922 г. за монополию внешней торговли В.И. Ленин, см.: Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 338.

⁵ Сталин И.В. Сочинения. Т. 7. – М.: Госполитиздат. 1952. С. 305-306.

⁶ Там же. С. 311.

⁷ См.: Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. – СПб., 1912. С. 137 и сл.

⁸ Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. – М.: Госполитиздат. 1952. С. 18.

⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Т. 10. – М.: Политиздат. 1986. С. 146.

¹⁰ Подробнее см.: Антонов О.К. Для всех и для себя. О совершенствовании показателей планирования социалистического промышленного производства. – М.: Экономика. 1965.

¹¹ Там же. С. 247.

¹² См.: Губанов С. Перспектива – переход к государственно-корпоративной экономике // Экономист. 1998. № 6.

¹³ Антонов О.К. Для всех и для себя. О совершенствовании показателей планирования социалистического промышленного производства. – М.: «Экономика». 1965. С. 174, 246.

¹⁴ См.: Губанов С. Трудовая парадигма: А. Смит против «неоклассики» // Экономист. 2009. № 3.